

ԱՐԿԱ ՎԱՐԵՈՒՄ

Ես իմ անուշ Հայաստանի արևահամ բառն եմ սիրում,
Մեր հին սագի ողբանվագ, լացակումած լարն եմ սիրում,
Արնանման ծաղիկների ու վարդերի բո՛ւյրը վառման,
Ու նարիյան աղջիկների հեզաճկուն պա՛րն եմ սիրում:
Սիրում եմ մեր երկինքը մուգ, ջրերը ջինջ, լիճը լուսե,
Արևն ամռան ու ձմեռվա վիշապաձայն բուքը վսեմ,
Մթում կորած խրճիթների անհյուրընկալ պատերը սև,
Ու հնամյա քաղաքների հազարամյա քա՛րն եմ սիրում:
Ուր է՛լ լինեմ - չեմ մոռանա ես ողբաձայն երգերը մեր,
Չե՛մ մոռանա աղոթք դարձած երկաթագիր գրքերը մեր,
Ինչքան էլ սո՛ւր սիրտս խոցեն արյունաքամ վերքերը մեր-
Էլի՛ ես որք ու արնավառ իմ Հայաստան-յա՛րն եմ սիրում:
Իմ կարոտած սրտի համար ո՛չ մի ուրիշ հեքիաթ չկա.
Նարեկացու, Քուչակի պես լուսապսակ ճակատ չկա.
Աշխա՛րհ անցի՛ր, Արարատի նման ճերմակ գագաթ չկա.
Ինչպես անհաս փառքի ճամփա՝ ես իմ Մասիս սարն եմ սիրում:

Я сравниваю русскую любовь к России и армянскую любовь к Армении.
Унылые бескрайние поля и карабкающиеся в небо горы.

Белые лица берёз в обрамлении зелёных кос и белое сияние абрикоса
без единого зелёного листочка.

Мать сыра-земля и пересушенные древние камни.

Завывание вьюги за окном и потоп яростного солнца.

Крик журавля в небе – и да, тоже крик журавля, по-армянски – крунк.

Кроме этого ничего общего, только ещё одно слово – любовь.

И где-то на самом дне души – одна и та же неизбывная печаль.

Остаётся лишь удивляться, почему дудук – армянский, а не русский
национальный музыкальный инструмент.

Впрочем, наверное, на дне души любого народа – неизбывная печаль.

Стихотворение Егише Чаренца о любви к Армении в начале фильма
прочитала-пропела на армянском языке Марлена Мош.

Её перевод на русский очень близок к оригиналу, почти подстрочник.

Послушайте.

*Я люблю плоды вкуса солнца моей Армении,
Люблю струну старинного саза – скорбнозвучащую, со
сдерживаемой слезой.*

*Красные как кровь цветы, пламенный аромат роз,
Смиренно-гибкую пляску наирийских девушек я люблю.*

*Люблю наше небо глубоко-голубое;
 мерно текущие прозрачные воды светлого озера,
Горячее летнее солнце, и вой драконий зимних метелей.
Отстраненные глухие стены затерявшихся темных хижин,
И древних городов тысячелетние камни я люблю.*

*Где бы ни был я, не забуду наши скорбнозовущие, протяжные
песни,
Не забуду ставшие молитвами, железом начертанные наши книги,
Как бы остро не вонзались в сердце кровоточащие раны.
Я сиротливо, но с пущей силой, с пламенем в крови, люблю мою
Армению,
 –мою Возлюбленную.*

*Для моего истосковавшегося сердца нет сказки лучше!
Нет светлее, венценоснее чела, чем у Нарекаци, у Кучак!
Весь мир обойди – вершины нет белее Арарата!
Путь, зовущий к непостижимо высокой славе – гору Масис я
люблю!*

Егише Чаренц родился в 1897-ом году в городе Карс, Российская империя, ныне Турция.

В 15-ом вступил в армянскую добровольческую группу и дошёл до окрестностей Вана.

Этот город был почти полностью уничтожен турками, а население выселено и истреблено. Армянские добровольцы продержались до прихода русских, которые взяли город.

Осенью 16-го года поступил в Народный университет имени Шанявского в Москве.

В феврале 17-го вместе со студентами университета участвовал в освобождении политзаключённых из Бутырской тюрьмы.

В 18-ом вступил в ряды Красной Армии.

В 19-ом вернулся в Ереван и работал учителем.

В 20-ом участвовал в майском восстании коммунистов против дашнаков.

В 36-ом арестован НКВД по обвинению в контрреволюции, национализме, троцкизме и терроризме.

В 37-ом умер в ереванской тюремной больнице.

Реабилитирован в 50-ых годах.

А уже в 57 году на холме, с которого поэт любовался видом на Арарат, Рафаэл Исраелян воздвиг свою арку – по сути, каменную раму живой картины.

И ещё это, наверное, первый памятник жертвам сталинских репрессий, построенный задолго до перестройки.

Вот что пишет Андрей Битов в своих "Уроках Армении":

"Я недоуменно взглянул на друзей: зачем стали?

Чем замечательно это слоноватое строение?

— Арка Чаренца, — сказали мне и молча пропустили вперед.

Я почувствовал какой-то сговор, от меня чего-то ждали, какого-то проявления.

Ровным счетом ничего замечательного при всем желании не обидеть друзей я в этой арке не обнаружил.

Меня подтолкнули в спину, даже как-то жестко.

Недоумевая и чуть упираясь, я прошел под арку и охнул.

Боже, какой отворился простор!

Он вспыхнул.

Что-то поднялось во мне и не опустилось.

Что-то выпорхнуло из меня и не вернулось.

Это был первый чертеж творения.

Линий было немного — линия, линия, еще линия.

Штрихов уже не было.

Линия проводилась уверенно и навсегда.

Исправлений быть не могло.

Просто другой линии быть не могло.

Это была единственная, и она именно и была проведена.

*Все остальное, кажется мне, Бог творил то ли усталой, то ли
изоощренной, то ли пресыщенной рукой.*

Кудрявая природа России — Господне барокко."

Конец цитаты.

Арарат для армян значит, наверное, много больше, чем для русских
Киев – мать городов-русских.

Это потому, что с российских просторов Киев не виден, а Арарат парит
над всей Арменией.

Мы едем с Арутом из Еревана на восток и он показывает направо в окно
автомобиля – вот Арарат, сейчас он такой.

Едем на запад и Арут показывает налево – а теперь Арарат эдакий.

И я понимаю: на эту гору можно смотреть бесконечно: в разное время
суток, в разное время года, с разных ракурсов.

Может быть,

это потому, что Арарат – самая высокая гора в мире? Если считать не от
уровня моря, а от подножия.

Или потому, что эта библейская гора впитала тысячи лет истории
армянского, да и не только армянского, а всей круговерти
иудейско-христианско-исламских народов.

Из своей третьей поездки в Армению я не привёз ни акварелей как в
первый раз, ни стихов как во второй раз.

Только листок бумаги, на котором напечатан перевод стихотворения
Егише Чаренца, который когда-то сделал Теодор Михайлович Тер-
Микаэлян.

Это он принимал нас в Армении. Это ему я посвятил свой фильм о
первой поездке, который называл ТЕДАрмения.

Послушаем перевод Теодора Михайловича в его исполнении.

Записано в мае 2014-го года в Ереване.

Я солнцем налитой язык моей Армении люблю,
Струн скорбных плачущий напев я саза древнего люблю,
Цветов горящих, алых роз благоухающий наряд
И пляски гибкий хоровод Наирских девушек люблю.

Люблю наш густосиний свод, Севана блеск, прозрачность вод,
Жар солнца летний и зимой бурь диких величавый рев,
Во тьме затерянных жилищ стен неприветливый покров,
Тысячелетних городов старинный камень я люблю.

Где б ни был – не забуду я скорбь песен горестных твоих,
Я не забуду никогда молитвой ставших книг твоих,
И как бы сердце не язвил мне стон кровавых ран твоих
Я, обездоленный мой край, Айастан-яр, тебя люблю.

Моей тоскующей душе отраднее преданий нет,
Кучака и Нарекаци чела светлей и ярче нет.
Мир обойди – вершин нигде белей горы – Масиса нет:
Как недоступной славы путь я древний Арарат люблю.